

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

•

КОПЬЯ И ПУЛЕМЕТЫ

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Оформления переплета
Владимира Нартова

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Копья и пулеметы : пятая книга популярного книжного сериала «Остров кошмаров» / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-116704-2

Когда вы вдруг задаетесь вопросом, почему одна страна богатая, а вторая не очень, всегда обращайтесь к истории.

Англия сегодня — очень богатая страна. И можно без всякого преувеличения сказать, что капитал был воздвигнут на костях и крови. Промышленная держава номер один, словно на питательном растворе, выросла на десятках миллионов (именно так!) трупов индийцев.

А ведь могла остаться третьеразрядной европейской державой при другом обороте дела, если бы не поднялась на награбленных миллиардах золотых и на миллионах трупов.

«Равнины Индии белеют костями ткачей», — передавал в 1834 г. британский генерал-губернатор лорд Уильям Бентинк в Лондон.

Из Большой Истории не вычеркнуть этих слов, как бы старательно многие на Острове кошмаров ни пытались их забыть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116704-2

© Бушков А.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное.

Адольф Гитлер

Как Англия стала крупнейшим в мире хищником и колонизатором

Умное слово от автора

В этой книге, как и в предыдущей, я вновь не собираюсь соблюдать четкую хронологию, буду объединять в одну главу рассказы о событиях, длившихся порой десятилетиями. Тому есть веские причины. Прежде исторические события были, позвольте уж щегольнуть ученым словом, дискретными. Выражаясь проще, являя собою этакий пунктир. Мятеж, через пару лет — финансовый кризис, еще через годик — очередная война, или казнь вышедшего из милости фаворита, или что-нибудь еще.

В XIX в. уже обстояло иначе. Иные общественные процессы растягивались на долгие годы. К примеру, прекращавшаяся редко и ненадолго борьба английских трудящихся за свои права (в том числе и избирательное) растянулась почти на сорок лет. Так что, по-моему, нет смысла дробить рассказ о ней на отдельные главки, лучше объединить в одну. Точно так же обстоит и со многими другими событиями, так что я порой буду совершать временные скачки в лучшем стиле героев фантастики, путешественников во времени. Надеюсь, читатель не будет в претензии.

ВОРОНЯ НОЧЬ

Итак, стоял 1801 год — первый год нового столетия. В последние лет тридцать как-то незаметно возникло, широко распространилось и глубоко укоренилось мнение, что первый год всякого столетия — «нулевой». Наступление двадцать первого столетия с превеликой помпой праздновали по всему миру 1 января 2000 г. Хотя до двадцать первого столетия оставался еще ровно год. Люди как-то подзабыли об элементарной арифметике. Век — это сто лет. То есть 1, 2, 3... 98, 99, 100. Так что первый год нового столетия всегда и есть первый. Но это так, к слову.

Мы отправимся не в Англию, а в Россию — потому что случившиеся там в начале марта первого года столетия трагические события связаны как раз с той самой английской «незримой рукой», о которой говорил еще Робеспьер, — правда, так и не определив ее национальную принадлежность. В нашем случае это сделать гораздо проще...

К тому времени вот уже десять лет в Англии правила бал откровенная русофобия. Хотя... Я неточно выразился. «Фобия» подразумевает эмоции. Они и здесь, понятно, присутствовали в некоторой степени, но главную роль играл холодный политический расчет. Великая Британия всерьез опасалась растущего русского влияния — и того, что Россия (как впоследствии и оказалось) может про-

двинуться ближе к «жемчужине в короне» — Индии. Премьер-министр Англии Уильям Питт-младший в словах не стеснялся и говорил то, что думал, не за закрытыми дверями, а на публике.

«Высокомерие русского кабинета становится нестерпимым для европейцев. За падением Очакова видны цели русской политики на Босфоре: русские скоро выйдут к Нилу, чтобы занять Египет. Будем же помнить: ворота на Индию ими уже открыты».

Именно тогда зародился страх англичан за Индию, временами принимавший характер прямо-таки мании, который будет сохраняться все время существования Российской империи, да и с приходом Советской власти несколько не ослабнет, скорее усилится.

Я уже упоминал об английском ультиматуме с требованием передать Очаков Турции и замышлявшимся англичанами морским походом на Балтику. Этот поход не был пустым прожектором: вполне серьезно снаряжалась эскадра почти в сотню вымпелов. А перед тем, как этот ультиматум отослать в Санкт-Петербург, англичане попытались подпрячь к нему и Пруссию, однако Берлин вежливо, но твердо участвовать в этом предприятии отказался: стояла весна 1791 г., угроза вторжений Наполеона была вполне реальна (она и последовала), и Россия виделась Пруссии не противником, а военным союзником в борьбе с французами (как впоследствии и произошло).

Вот только на войну требовалось согласие парламентского большинства... Питт гремел с высокой трибуны:

— Мы не только превратим Петербург в жалкие развалины, но сожжем и верфи Архангельска, наши эскадры настигнут русские корабли даже в укрытиях Севастополя! И пусть русские плавают потом на плотках, как первобытные дикари.

Все его громокипящее ораторское искусство пропало даром. Политические противники, либералы-виги, проект провалили, и большинства голосов он не получил. Либерализм тут был совершенно ни при чем: просто виги заглядывали в будущее гораздо дальше Питта и гораздо лучше просчитывали возможные варианты развития событий. Победы Англии над Наполеоном были делом будущего — а в тот период война шла для англичан довольно неудачно. Французский флот, еще не разбитый наголову под Трафальгаром (это произойдет только в 1805 г.), был пока силен, и существовала серьезная опасность, что Наполеон попытается высадиться в Англии. Вот те, кто просчитывал ходы на политической шахматной доске искуснее твердолобого Питта, и решили, что с Россией следует не воевать, а наоборот, использовать ее как союзника в войне с Наполеоном...

Начало марта 1801-го. На русском престоле — Павел Первый, человек с прямо-таки трагической посмертной судьбой, как и его отец Петр Третий, жертва очередной «черной легенды». С давних пор укоренилось мнение (в последнее время начавшееся понемногу меняться), что Павел был сумасшедшим на всю голову. Один из авторов употребил восхитительное определение: «полубезумный император». Это уже перебор, двадцать два, туз к одиннадцати. Человек либо безумен, либо нет. Говорить о ком-то «полубезумен» так же смешно и нелепо, как сказать о женщине «полубеременная».

Автор этого определения — не врач, а писатель. Однако версию о сумасшествии Павла поддерживали и иные психиатры, порой весьма именитые.

Только после некоторых реформ 1905 г. стало вообще возможно писать, что Павел (и его отец) были убиты. До этого в энциклопедиях употреблялись лишь уклончивые обороты: «скоропостижно умер», «погиб», «внезапная

кончина». И вообще, писать о нем было примерно то же самое, что, скажем, в СССР при Брежневке издавать обширную биографию Троцкого.

После «оттепели» 1905 г. видный психиатр П. Ковалевский (к стыду моему, мой родственник, хорошо еще, что дальний-предальный, седьмая вода на киселе, нашему слесарю двоюродный забор) выпустил выдержавшую потом восемь изданий книгу о Павле, где бестрепетной рукой поставил диагноз: «дегенерат второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования».

Правда, свою книгу выпустил и не менее видный психиатр профессор В.Ф. Чиж, державшийся противоположного мнения: «Павла нельзя считать маньяком», «не страдал душевной болезнью», «был психически здоровым человеком». Многочисленная деталь: Чиж, прежде чем написать свою книгу, много времени провел в архивах, изучая материалы о жизни и деятельности Павла. А Ковалевский главным образом ссылаясь на злые анекдоты вроде печальной истории о пехотном полке, якобы прямо с учений отправленном Павлом в Сибирь (вымысел чистой воды). Однако как-то так получилось, что версия Ковалевского стала не в пример более популярной...

И не только в России. Еще году в девяностом (вот было времечко), когда существовали целые магазины иностранной литературы, я купил книгу одного из виднейших чешских неврологов, профессора Ивана Лесны, название которой я лично перевел так: «О немощах могущих». Увлекательнейшее чтение о всевозможных душевных болезнях известных европейских монархов. Была там глава и о Павле Первом. Совершенно в стиле Ковалевского: «мegalомания», «явственные признаки невроза навязчивости», «параноидальные черты характера». Причем, как и Ковалевский, Лесны в виде аргументов приводит исключи-

тельно те самые злобные анекдоты, сплетни и вымыслы. А порой откровенно нелогичен. Одним из признаков душевной болезни Павла Лесны считал «постоянный страх Павла, что его постигнет судьба отца». Но страх-то этот оказался отнюдь не беспочвенным: Павел и в самом деле повторил судьбу отца, точно так же был убит заговорщиками! (К слову, когда через несколько лет вышел русский перевод книги Лесны, главы о Павле там почему-то не оказалось. Быть может, переводчик или редактор придерживались версии Чижа?)

Безусловно, Павел был взбалмошным и эксцентричным. Но далеко не он один. Если вспомнить, как долго и увлеченно чудесил великий наш полководец Суворов... Петухом кричал на публике, прыгал через стулья. Получив однажды приглашение богатого помещика у него обедать, решил подкормить подтощавшую свою кавалерию (с фуражом почему-то обстояло скверно). И приехал в гости в коляске, запряженной цугом (то есть гуськом) сотней лошадей. Помещик не мог не соблюсти обычай того времени, по которому лошадей гостя полагалось хорошенько накормить. А однажды Суворов велел венчать одним махом пар двадцать своих крепостных. О согласии женихов и невест и речи не шло: Суворов попросту распределил пары так, чтобы они подходили друг другу по росту, и велел строем шагать в церковь. Однако никто и никогда не приписывал Суворову ни малейших психических отклонений — чудаковат-с, эксцентричный джентльмен, как в таких случаях говорят англичане.

«Все знают», что однажды Павел из чистого самодурства наложил на Суворова опалу и велел ему отправиться в ссылку в принадлежавшее полководцу село Кончанское. Это один из наиболее часто приводившихся примеров «тиранства», «деспотизма» и «самодурства» Павла. А вот архивный документ, подлинный приказ императора, объ-

ясняющий причины опалы и ссылки: «вопреки высочайше изданного устава генералиссимус князь Италийский имел при корпусе своем дежурного генерала, что и делается на замечание всей армии». Иными словами, Суворов нарушил воинский устав, чего Павел не прощал никому, от рядового до генералиссимуса.

И обратный пример, не анекдот, а реальный случай (были свидетели). Проезжая с несколькими придворными по Петербургу, Павел усмотрел зорким глазом, что стоявший на часах офицер вдребезину пьян. Остановив коляску, заявил, что арестовывает проказника и велит ему немедленно отправляться на гауптвахту. Однако бравый воjak, заметно отклоняясь от вертикали, запротестовал:

— Никак невозможно, ваше величество.

Павел скорее изумился, чем разозлился:

— Невозможно?! Мне, императору?!

— Никак невозможно, — повторил офицер. — Согласно утвержденному вами воинскому уставу, прежде чем меня арестовать, вы обязаны по всем правилам снять меня с поста, а этого не сделано...

Не особенно и раздумывая, Павел распорядился:

— Оставьте его в покое. Он пьяный лучше нас трезвых уставы знает... Поехали.

А если серьезно... За свое недолгое царствование Павел сделал немало полезного (пусть не всегда продуманно, чуть-чуть хаотично). Однажды я об этом уже писал подробно, поэтому главные свершения «безумца» изложу кратко.

Павел отменил петровский закон о престолонаследии, по которому самодержец сам выбирал себе наследника, и ввел стройную систему, просуществовавшую практически без изменений до революции. Снял с крестьян недоимку в семь с лишним миллионов рублей, а ущерб для бюджета возместил за счет новых обложений, касавшихся исключительно дворян. Запретил продавать крестьян без

земли, ограничил барщину до трех дней в неделю. Отменил рекрутский набор. Еще запретил привлекать крестьян к работе на барина в воскресные и праздничные дни. Свидетель тех дней, немецкий писатель и русский разведчик Коцебу писал: «Народ был счастлив. Его никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обычной надменностью. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости, поэтому страх внушал им человеколюбие. Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 имели повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это». Свидетельство тем более ценное, что у Коцебу были причины обижаться на Павла — он в свое время по приказу Павла побывал в сибирской ссылке.

Прусский посланник Брюль в одном из донесений писал, что императором «недовольны все, кроме городской черни и крестьян». То есть кроме подавляющего большинства населения. «Простой народ даже любил Павла» — это декабрист Фонвизин.

Недовольно было исключительно «благородное сословие». И в первую очередь — господа гвардия. В отношении гвардейцев Павел «самодурствовал» и «тиранствовал» вовсю: выслал из Москвы множество офицеров, которые вместо того чтобы находиться при своих полках, годами бездельничали в Первопрестольной, тешась вишнишкой и картами. Запретил офицерам в служебное время расхаживать по столице в штатском платье и богатых шубах. Мало того, как вспоминает уже знакомый нам Болотов, «всех гвардейцев не только познакомил с настоящей службою, но и заставил нести и самую строгую и тяжкую, и, позабыв все прежние свои шалости и дури, привыкать к трудолюбию, порядку, добропорядочному поведению, повиновению команде и почтению себя старейшим и к несению прямой службы». Другими словами, — от военных теперь требовалось жить по уставу